ПИТЕР ФИНН
ПЕТРА КУВЕ

КРЕМЛЬ, ЦРУ
И БИТВА
ЗА ЗАПРЕЩЕННУЮ КНИГУ

ДЕЛО ЖИВАГО

Основанная на недавно рассекреченных материалах, эта история рассказывает, как запрещенная в Советском Союзе книга стала сверхоружием ЦРУ в идеологической борьбе между Востоком и Западом.

Петра Куве
Питер Финн

Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещенную книгу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17806677
Финн П., Куве П. Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещенную книгу / Пер. с англ. Л. А. Игоревского: ЗАО «Издательство Центрполиграф»; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-06244-4

Аннотация

В 1957 году за рубежом вышел в свет роман «Доктор Живаго», который его автор считал вершиной своего прозаического творчества. В 1958 году Шведская академия наградила Б. Л. Пастернака Нобелевской премией по литературе. В СССР разгорелся скандал, за которым последовала травля писателя. История публикации «Доктора Живаго» за границей и в СССР, а также сопутствующие этому драматические обстоятельства описаны на страницах предлагаемой читателю книги со всеми подробностями не только фактической стороны дела, подтвержденной документальными свидетельствами, но и воссозданием атмосферы того времени.

Содержание

Пролог. «Это «Доктор Живаго». Пусть он увидит мир» 5
Глава 1. «Со всей России сорвало крышу» 33
Глава 2. «Пастернак, сам того не понимая, вторгся в личную жизнь Сталина» 52
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Питер Финн, Петра Куве
Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещенную книгу

Peter Finn and Petra Couvee

The Zhivago Affair. The Cremlin, the CIA and the Battle Over a Forbidden Book

© 2014 by Peter Finn and Petra Couvee

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Посвящается Норе Фицджералд и нашим детям Рейчел, Лайему, Дэвиду, Риа; а также Косу Куве и Пауле ван Россен

Пролог. «Это «Доктор Живаго». Пусть он увидит мир»

20 мая 1956 года, ясным воскресным утром, в электричку на московском Киевском вокзале сели два человека. Они направлялись в поселок Переделкино, расположенный в получасе езды к юго-западу от столицы. Всего месяц назад растаял последний снег; пахло цветущей сиренью. Высокий блондин Владлен Владимирский был в широких брюках и двубортном пиджаке – такой костюм особенно жаловали советские служащие. Его стройный спутник выделялся в толпе; в нем сразу отличали иностранца. За модную одежду его дразнили «стилягой». Кроме того, Серджио Д'Анджело часто улыбался, что было необычно в стране, где в людях прочно укоренилась настороженность. *Итальянец ехал в Переделкино очаровывать поэта*[1].

---

[1] Воспоминания о встрече Д'Анджело с Пастернаком 20 мая 1956 года, в том числе прямые цитаты, взяты из мемуаров Д'Анджело «Дело Пастернака», а также из интервью авторов с Д'Анджело в Москве в сентябре 2007 года и в итальянском Витербо в мае 2012 года, а также из переписки авторов и Д'Анджело по электронной почте. Кроме того, Д'Анджело снабдил авторов неопубликованным вариантом книги «Дело Пастернака» на английском языке – ее можно прочесть на сайте: http://www.pasternakbydangelo.com. Д'Анджело подтверждает, что в своих мемуарах он неверно указал дату анонса выхода «Доктора Живаго» на Московском радио; анонс появился не в апреле, а в мае. Он настаивает на том, что дата 20 мая верна.

За месяц до поездки в Переделкино Д'Анджело, итальянский коммунист, работавший на Московском радио, прочел в выпуске новостей культуры небольшое сообщение о скором выходе в свет первого романа Бориса Пастернака. Из короткой заметки почти ничего не было ясно, кроме того, что Пастернак написал роман, который называется «Доктор Живаго».

Перед отъездом из Италии Д'Анджело договорился о сотрудничестве с новым миланским издательством, основанным коммунистом Джанджакомо Фельтринелли. В задачу Д'Анджело входил поиск новых произведений советской литературы. Получение прав на издание первого романа одного из известнейших российских поэтов стало бы большой удачей как для него самого, так и для недавно созданного издательского концерна. В конце апреля Д'Анджело написал Фельтринелли в Милан и, не дожидаясь ответа, попросил Владимирского, своего коллегу по Московскому радио, устроить ему встречу с Пастернаком.

Поселок Переделкино стал своеобразной писательской колонией, построенной на территории бывшей дворянской усадьбы. В 1934 году правительство выделило земли усадьбы под постройку писательского городка. В девственном хвойном лесу построили дачи, на которых видные представители советской литературы могли отдохнуть от шума и суеты большого города. Территорию размером около 100 гектаров разбили на большие участки, на которых возвели около пя-

тидесяти домов. В окрестных деревнях в деревянных лачугах жили крестьяне. *Женщины носили платки*[2], а мужчины ездили в санях, запряженных лошадьми.

Дачи в Переделкине выделяли виднейшим советским литераторам. Ближайшими соседями Пастернака были Константин Федин и Всеволод Иванов. В паре улиц от Пастернака жили самый любимый детский писатель Советского Союза Корней Чуковский и литературный критик Виктор Шкловский.

Хотя жизнь в Переделкине на первый взгляд казалась идиллической, и на писательский поселок падала тень Большого террора. Многих тамошних обитателей в конце 1930-х годов арестовали и репрессировали. Исаака Бабеля и Бориса Пильняка арестовали на дачах в Переделкине. Их дома передали другим писателям.

По переделкинской легенде[3], Сталин как-то спросил Максима Горького, отца советской литературы и одного из основателей школы социалистического реализма, как живут писатели на Западе. Когда Горький ответил, что они живут на собственных виллах, Сталин приказал основать Переделкино. Неизвестно, так ли было на самом деле, но в Советском Союзе писатели составляли привилегированную касту. В их профессиональном объединении, Союзе писателей

---

[2] «Boris Pasternak: The Art of Fiction № 25», интервью Ольге Карлайл // The Paris Review 24 (1960): 61–66.

[3] См.: *Лобов Л., Васильева К.* Переделкино: сказание о писательском городке.

СССР, насчитывалось почти 4 тысячи членов. Литераторов осыпали благодеяниями, немыслимыми для обычных советских граждан, которые часто ютились в тесных квартирах и вынуждены были выстаивать огромные очереди за самыми элементарными товарами. Вот как описывал эту систему Чуковский: *«Окутывали* писателей *коконом удобств*[4] и окружали их сетью шпионов».

Романы, пьесы и стихи считались важными орудиями массовой пропаганды, которая поможет привести массы к победе социализма. Сталин ожидал, что писатели будут в прозе или стихах прославлять строительство социализма, отразят в своих произведениях выдающиеся достижения рабочих и колхозников. В 1932 году на встрече с писателями в доме Горького Сталин произнес тост в честь рождения новой литературы: *«Производство души*[5] важнее производства танков… Здесь кто-то правильно сказал, что писатель не должен сидеть на месте, что писатель должен знать жизнь страны. И это правильно. Человек перековывается самой жизнью. Но и вы тоже поможете перековать его душу. И вот почему я поднимаю свой бокал за вас, писатели, инженеры человеческих душ».

Выйдя со станции, Д'Анджело и Владимирский проследо-

---

[4] Цит. по: Carlisle, Under a New Sky, 13.

[5] *Зелинский К.* «Одна встреча у М. Горького. Запись из дневника // Вопросы литературы, 5 (1991), 166; Ruder, Making History for Stalin, 44.

вали мимо огороженной летней резиденции патриарха Русской православной церкви, перешли речку у кладбища. Дороги еще не просохли. Они повернули на узкую улицу Павленко на краю поселка. Там жил Пастернак. Д'Анджело не знал, чего ожидать. Он, конечно, навел справки. Пастернака считали чрезвычайно одаренным поэтом; многие западные литературоведы отмечали, что его творчество ярко выделяется на фоне вялых советских стихов. Сам Д'Анджело Пастернака не читал. В советских правящих кругах талант Пастернака признавали, однако считали не слишком благонадежным. Его произведения подолгу не печатали. Пастернак зарабатывал на жизнь переводами иностранной литературы; он считался одним из лучших переводчиков пьес Шекспира и «Фауста» Гете на русский язык.

Дача Пастернака стояла среди сосен и берез; двухэтажное здание шоколадного цвета с окнами-эркерами и верандой напоминало типичный американский деревянный дом. Подойдя к калитке, гости увидели хозяина – 66-летний писатель в старых брюках, куртке и в резиновых сапогах работал в саду. Помимо плодовых деревьев, кустов и цветов, семья выращивала овощи. Пастернак показался Д'Анджело очень привлекательным человеком, на удивление моложавым. Казалось, его удлиненное лицо высечено из камня. На нем выделялись полные чувственные губы и живые карие глаза. *Марина Цветаева считала*[6], что Пастернак похож одновремен-

---

[6] «Внешнее осуществление Пастернака прекрасно: что-то в лице зараз и от ара-

но на араба и его коня. Многие приезжавшие в Переделкино вспоминали, как он иногда замирал, *«…полузакрыв раскосые карие глаза*[7], отвернувшись и напоминая упирающегося коня». Пастернак приветствовал гостей крепким рукопожатием. Его улыбка была лучезарной, почти детской. Пастернак любил принимать гостей из-за рубежа – редкое удовольствие в Советском Союзе, стране, которая приоткрыла границы только в 1953 году, после смерти Сталина. Еще один гость с Запада, побывавший тем летом в Переделкине, оксфордский философ Исайя Берлин, говорил, что опыт от общения с писателями похож *«на разговоры с жертвами кораблекрушения*[8] на необитаемом острове, которые на протяжении десятков лет были отрезаны от цивилизации, – все, что они слышали, казалось им новым, волнующим и восхитительным».

Хозяин и гости сели на две деревянные скамейки. Услышав фамилию Серджио, Пастернак очень обрадовался и несколько раз повторил ее своим басовитым голосом, немного в нос. Он поинтересовался ее происхождением. Д'Анджело ответил, что фамилия по происхождению византийская, но довольно распространенная в Италии. Пастернак принялся вспоминать о своей единственной поездке в Италию ле-

---

ба и от его коня»: *Цветаева.* Световой ливень.

[7] «Boris Pasternak: The Art of Fiction № 25», интервью Ольге Карлайл // The Paris Review 24 (1960), 61–66.

[8] Berlin, Personal Impressions, 230.

том 1912 года, когда он был 22-летним студентом Марбургского университета, где изучал философию. Путешествуя в купе поезда 4-го класса, он посетил Венецию и Флоренцию, но деньги у него кончились задолго до того, как он добрался до Рима. Он ярко написал об Италии в своем автобиографическом наброске «Охранная грамота», в том числе о том, как был в Милане полдня и не запомнил его. Он подходил к городскому собору, который все время менялся, в зависимости от перекрестков, с которых он последовательно открывался. *«Он тающим глетчером*[9] неоднократно вырастал на синем отвесе августовской жары и словно питал льдом и водой многочисленные кофейни Милана. Когда наконец неширокая площадь поставила меня к его подошве и я задрал голову, он съехал в меня всем хором и шорохом своих пилястр и башенок, как снежная пробка по коленчатому голенищу водосточной трубы».

Через сорок пять лет имя Пастернака окажется неразрывно связанным с Миланом. Совсем недалеко от собора, если пройти стеклянную сводчатую галерею Виктора-Эммануила II и театр Ла Скала, находится улица Андегари. В доме номер 6 помещалось издательство Фельтринелли, человека, бросившего вызов Советскому Союзу. Он первый издал «Доктора Живаго».

Беседы с Пастернаком часто превращались в его монологи. За ясными пассажами следовали сумбурные и запу-

---

[9] Борис Пастернак. Охранная грамота.

танные, а живые и конкретные образы сменялись темными и неясными. Иной раз казалось, что понять его совершенно невозможно, как вдруг речь его снова обретала ясность и простоту. Исайя Берлин вспоминал: *«Пастернак говорил великолепными закругленными фразами*[10], и от его слов исходила необъяснимая сила». Д'Анджело слушал Пастернака как завороженный. Наконец Пастернак опомнился, извинился за то, что долго говорит, и спросил гостей, по какому делу они приехали.

Д'Анджело объяснил, что его направила в Москву Итальянская коммунистическая партия. Ее руководство призывало активистов изучать жизнь в Советском Союзе. Д'Анджело работал в итальянской редакции Московского радио, официальной международной радиовещательной компании Советского Союза, которая тогда размещалась в двух зданиях за Пушкинской площадью в центре Москвы. До приезда в Советский Союз Д'Анджело служил управляющим «Либрериа Ринашита», книжным магазином Итальянской коммунистической партии в Риме. Д'Анджело считался признанным активистом из семьи антифашистов. В ИКП он вступил в 1944 году, но некоторым его итальянским товарищам казалось, что он слишком «книжный» и далек от жизни. Они надеялись, что работа в Москве будет способствовать его развитию. ИКП устроила Д'Анджело двухгодичную командировку в столицу Советского Союза. В Москву он приехал

[10] Berlin, Personal Impressions, 220.

в марте 1956 года.

Д'Анджело бегло говорил по-русски и лишь иногда вынужден был просить Владимирского объяснить то или иное слово. Итальянец признался Пастернаку, что, помимо работы на радио, выступает еще и агентом издателя Фельтринелли. Фельтринелли, по словам Д'Анджело, не только настоящий коммунист, он еще и очень богат, молодой мультимиллионер, наследник династии итальянских промышленников, который стал «левым» в годы войны. С недавних пор Фельтринелли занялся книгоизданием. Особенно его интересуют новинки современной советской литературы. Д'Анджело сказал, что недавно услышал о «Докторе Живаго», и роман показался ему идеальной книгой для нового издательства Фельтринелли.

Пастернак перебил итальянца взмахом руки и сказал, что в СССР его книгу ни за что не напечатают, так как она не вписывается в рамки официальной культуры.

Д'Анджело возразил, что о скором выходе романа в свет уже объявлено официально. Кроме того, после смерти Сталина в Советском Союзе наступило заметное потепление, получившее название «оттепель» – по названию романа Ильи Эренбурга. Казалось, что, по мере того как подвергаются сомнению старые догмы, литературные горизонты расширяются. Начали выходить книги, авторы которых, пусть и робко, критиковали систему, размышляли о недавнем прошлом. Появились главные герои, похожие на обычных лю-

дей, с достоинствами и недостатками. Наконец итальянец приступил к главному. Он попросил Пастернака отдать ему рукопись «Доктора Живаго» с тем, чтобы передать ее Фельтринелли на перевод. Естественно, Фельтринелли дождется выхода книги в Советском Союзе и лишь потом издаст роман на итальянском языке. Д'Анджело уверял Пастернака, что Фельтринелли можно доверять, поскольку он – верный член коммунистической партии. Все эти доводы казались пылкому Д'Анджело разумными, хотя он и волновался за судьбу рукописи и должен был оправдать жалованье, получаемое от Фельтринелли.

Д'Анджело не понимал, как рискует Пастернак, отдавая рукопись в руки иностранца. Пастернак же прекрасно сознавал, что не одобренная свыше публикация произведения, которое еще не вышло в Советском Союзе, приведет к обвинениям в измене и самым серьезным последствиям для самого писателя и его близких. В письме сестрам в Англию в декабре 1948 года он просил не печатать первые главы романа, которые он им послал: *«Публикация за границей приведет к самым катастрофическим*[11] для меня, можно сказать, роковым последствиям».

Пильняка, бывшего соседа Пастернака по Переделкину *(калитка между их участками никогда не запиралась*[12]*),* расстреляли в апреле 1938 года. Пильняк скептически отно-

---

[11] Boris Pasternak, Family Correspondence, 376.

[12] Shentalinsky, The KGB's Literary Archive, 145.

сился к советской власти, поднимал в своем творчестве такие темы, как инцест, и называл распоряжения Сталина и Горького в связи с литературой кастрацией искусства. Судьбу Пильняка вполне можно было предсказать еще в 1929 году, когда его обвинили в организации издания за границей короткого романа «Красное дерево», предпринятого антисоветскими элементами. Действие романа разворачивается после революции в провинциальном городке; в числе героев есть сочувственно обрисованный сторонник Троцкого – заклятого врага Сталина. Пильняка подвергли публичному шельмованию в прессе. *«Для меня законченное литературное произведение подобно оружию*[13]*»,* – писал Владимир Маяковский, дерзкий и воинственный большевистский поэт, делая обзор творчества Пильняка. Маяковский без всякого стеснения признавался в том, что не читал «Красное дерево». Он считал, что литературное произведение не может быть выше классовой борьбы, что бы ни думал Пильняк. Передача же «Красного дерева» в белую прессу, по мнению Маяковского, усиливала арсенал врагов. «В сегодняшние дни густеющих туч это равно фронтовой измене». Пильняк пытался вернуть себе расположение партии, подобострастно отзываясь о величии Сталина, но спастись ему не удалось. Его уже объявили изменником родины. Тогда уже начался Большой террор. Пильняк все время жил в страхе. Он понимал, что арест неминуем. Страну охватили широкомасштаб-

[13] Там же, 141.

ные чистки среди партийцев, руководителей и военных. Террор не миновал и представителей интеллигенции, и целые этнические группы. В 1936–1939 годах сотни тысяч человек расстреляли или приговорили к лагерным срокам. Среди жертв были сотни писателей. *Пастернак вспоминал, как Пильняк*[14] постоянно выглядывал из окна. Знакомые, с которыми он случайно встречался на улице, откровенно удивлялись, узнав, что он еще на свободе. *«Это и правда вы*[15]*?»* – спрашивали они. За ним пришли 28 октября 1937 года. У него дома были Пастернак с женой; отмечали день рождения трехлетнего сына Пильняка, которого тоже звали Борисом. Вечером к дому подъехала машина, из которой вышли несколько человек в форме. Один из приехавших очень вежливо пригласил Пильняка «ненадолго» поехать с ними по срочному делу.

Его обвинили в принадлежности к «антисоветской троцкистской террористической организации», которая готовила убийство Сталина, а также в шпионаже в пользу Японии; в Японии и Китае Пильняк побывал в 1927 году и написал о своем путешествии книгу «Корни японского солнца». Кроме того, в 1931 году он, с разрешения властей, провел полгода в Соединенных Штатах; он пересек всю страну в «форде» и недолго работал сценаристом на голливудской студии «Метро-Голдвин-Майер». В книге «О'кей! Аме-

---

[14] Berlin, Personal Impressions, 225.

[15] Shentalinsky, The KGB's Literary Archive, 139.

риканский роман» Пильняк довольно сурово осуждал американский образ жизни.

Пильняк «признался» во всем, но в последнем слове попросил *«бумагу»*[16], на которой он «напишет что-то полезное для советских людей». Судебное заседание продолжалось 15 минут, с 5:45 до 6 вечера 20 апреля 1938 года. Военная коллегия Верховного суда признала Пильняка виновным и приговорила к «высшей мере наказания». На следующий день, выражаясь зловещим языком того времени, приговор «привел в исполнение начальник 1-й особой секции 12-го отдела». Жена Пильняка провела 12 лет в лагере, а его сына вырастила бабушка, жившая в Грузии. *Все произведения Пильняка*[17] были изъяты из библиотек и книжных магазинов и уничтожены. В 1938–1939 годах, по данным Главлита, уничтожили *24138799 экземпляров «политически вредных» трудов и статей*[18], «не обладающих совершенно никакой ценностью для советских читателей».

После ареста Пильняка и других писателей Пастернаки, как и многие обитатели Переделкина, жили в страхе. *«Все это было ужасно*[19]*,* – вспоминала жена Пастернака Зинаида Николаевна, которая в то время была беременна их первым

---

[16] Там же, 156.

[17] Там же, 157.

[18] Цит. по: Westerman, Engineers of the Soul, 188.

[19] Зинаида Пастернак. Воспоминания // Борис Пастернак, Второе рождение, 293.

сыном, – и с минуты на минуту я ждала, что возьмут и Борю».

Даже после смерти Сталина ни один советский писатель не мог и помыслить о публикации за границей. Все прекрасно помнили о судьбе Пильняка. А начиная с 1929 года никто не нарушал неписаное, но железное правило, по которому издание за рубежом, не санкционированное свыше, было запрещено.

Слушая Пастернака, Д'Анджело вдруг понял, что его собеседник отвлекся. Чуковский, еще один сосед Пастернака по Переделкину, считал, что у того *«своего рода сомнамбулизм»*[20] – «он слушает, но не слышит», пребывая в мире собственных мыслей и подсчетов. Пастернак обладал непоколебимой уверенностью в своей гениальности и в нужности своего творчества. Он считал, что его произведения должно прочесть как можно больше людей. Он не сомневался в том, что «Доктор Живаго» – кульминация всей его жизни, самое сокровенное выражение его видения мира; роман, по его мнению, превосходил все написанные им за долгие годы стихи. Он называл роман *«мое последнее счастье и безумие»*[21].

Действие романа, одновременно эпического и автобиографического, вращается вокруг главного героя, врача и по-

---

[20] Chukovsky, Diary, 10 декабря 1931, 262.

[21] Борис Пастернак. Письмо Ольге Фрейденберг 24 января 1947 // Boris Pasternak and Olga Freidenberg, Correspondence, 263.

эта Юрия Живаго, его искусства, его Любовей и потерь после революции 1917 года. После смерти родителей Живаго попадает в обеспеченную московскую интеллигентную семью. В благородном и просвещенном окружении он раскрывает в себе таланты к поэзии и врачеванию. Он оканчивает медицинский институт и женится на Тоне, дочери своих приемных родителей. Во время Первой мировой войны, служа в полевом госпитале на юге России, он встречает медсестру Лару Антипову и влюбляется в нее.

В 1917 году, вернувшись к жене и ребенку, Живаго застает изменившийся город. Москва под властью большевиков погружена в хаос революции, а ее жители голодают. Сгинул старый мир искусства, досуга и интеллектуальных размышлений. Первоначальное увлечение Живаго большевиками быстро сходит на нет. Спасаясь от голода и тифа, Живаго и его близкие едут на Урал, в Варыкино, где до революции находилось родовое имение. Поблизости, в городке Юрятин, живет Лара. Юрий и Лара снова встречаются. Муж Лары воюет в Красной армии. В Живаго вспыхивает прежняя страсть, но его мучает собственная неверность. Позже его берут в плен крестьяне-партизаны; им нужен врач. Вынужденный подчиниться, Живаго попадает в партизанский отряд и становится свидетелем многих зверств Гражданской войны, которые совершают и красные, и белые. В конце концов Живаго «дезертирует» из революционной схватки. Вернувшись в Юрятин, он узнает, что жена, ребенок и тесть,

считая его погибшим, уехали в Москву, а затем покинули страну. Он съезжается с Ларой. Узнав о возможном аресте, влюбленные находят приют в глуши, в отрезанном от мира Барыкине. Именно там, вдали от всех, к Живаго возвращается муза, породившая взрыв поэзии. Завывание волков снаружи предвещает кончину их отношений. Близится конец войны; победа большевиков неизбежна. Влюбленным приходится расстаться навсегда. Лара уезжает на Дальний Восток. Живаго возвращается в Москву, где и умирает в 1929 году. После него остаются стихи, которые образуют последнюю главу романа. Стихи – творческое наследие Живаго и его жизненное кредо.

Иногда Живаго выступает в роли второго «я» для Пастернака. И герой, и писатель родом из утраченного прошлого, культурной среды московской интеллигенции. В советской литературе «старый мир», если о нем и вспоминали, принято было обливать презрением. Пастернак понимал, что советские издательские круги приведет в ужас враждебность романа по отношению к революции, его неприкрытая религиозность, явное равнодушие к требованиям социалистического реализма и нежелание преклонять колена перед Октябрьской революцией. Роман пестрел многочисленными «ересями». Особенно это было заметно во фразах и мыслях, передававших потрясение от неожиданного удара. *«Зоологическое отступничество»*[22] – так отозвался о «Докторе Жи-

[22] Редколлегия «Нового мира» – Пастернаку, письмо опубликовано в сентябре

ваго» кто-то из первых официальных критиков романа. Когда роман близился к завершению, сам Пастернак признавал, что революция в нем изображалась «вовсе не как торт с кремом, а именно так до сих пор было принято ее изображать». Он считал, что надо давать читать роман *«на все стороны, вот кто ни попросит»*[23], потому что в то, что «Доктора Живаго» когда-нибудь напечатают, он не верил.

Пастернак не думал опубликоваться на Западе, но к тому времени, как к нему на дачу приехал Д'Анджело, он пережил пять месяцев полного молчания со стороны «Гослитиздата», государственного издательства, куда он отнес роман. Два ведущих литературных журнала, «Знамя» и «Новый мир», которые, как надеялся Пастернак, напечатают хотя бы отрывки из «Доктора Живаго», также не отвечали. Д'Анджело приехал очень удачно; Пастернак, услышав столь неожиданное предложение, тут же загорелся. Живя в тоталитарном обществе, он много лет демонстрировал необычное бесстрашие – помогал многим заключенным, носил деньги и вещи родственникам тех, от кого почти все отвернулись, боясь «запачкаться». Он заступался за тех, кого обвиняли в политических преступлениях; отказывался подписывать коллективные письма, призывавшие казнить «врагов народа». Он не принимал конформизма многих собратьев-писателей.

1956 г. в «Литературной газете», 25 октября 1958 г. Цит. по: Conquest, Courage of Genius, Appendix II, 136–63.

[23] *Ивинская.* В плену времени, 231.

«Не кричите на меня[24]*,* – ответил он на одном собрании после того, как его речь о том, что писателями нельзя командовать, начали перебивать. – Но если уж вам непременно нужно кричать, то, по крайней мере, не хором». Пастернак не испытывал необходимости приспосабливаться к политическим требованиям времени; он считал, что жертвовать художественными достоинствами – смертный грех по отношению к собственному гению.

«Давайте не будем беспокоиться о том, выйдет или нет книга в Советском Союзе, – сказал он Д'Анджело. – Я отдам вам роман, если Фельтринелли пообещает разослать экземпляры, скажем, в следующие несколько месяцев, в издательства других стран, прежде всего Франции и Англии. Напишите в Милан – он согласится?»

Д'Анджело ответил, что последнее не только возможно, но и неизбежно, ведь Фельтринелли наверняка захочет продать права на иностранное издание книги.

Пастернак снова немного помолчал, затем извинился, ушел в дом и поднялся на второй этаж, где располагался его спартански обставленный кабинет. Зимой окно выходило на *«обширное белое пространство*[25]*,* в котором главное положение занимало кладбище на холме, немного напоминавшее фон на картине Шагала». Вскоре Пастернак вернулся. Он

---

[24] Conquest, Courage of Genius, 37–38.

[25] «Boris Pasternak: The Art of Fiction № 25», интервью Ольге Карлайл, The Paris Review 24 (1960), 61–66.

нес большой пакет, обернутый в газету. *Рукопись содержала 433 страницы*[26], напечатанные мелким шрифтом. Роман был разделен на пять частей. Каждая часть, обернутая в папиросную бумагу или картон, была сшита шпагатом, продетым в грубые дыры в страницах и связанным узлами. Первая часть была датирована 1948 годом; рукопись пестрела многочисленными исправлениями, сделанными рукой самого автора.

«Это «Доктор Живаго», – сказал Пастернак. – Пусть он увидит мир».

Зная, что за этим последовало, можно сказать, что Пастернак ни разу не дрогнул.

Д'Анджело объяснил, что сумеет передать рукопись Фельтринелли уже через несколько дней, так как собирается на Запад. Приближался полдень; хозяин и гости проговорили еще несколько минут.

Когда они прощались у калитки, а Д'Анджело сжимал роман под мышкой, у Пастернака на лице появилось странное выражение – искаженное, ироническое. Он сказал итальянцу: *«Вы пригласили меня на собственную казнь»*[27].

Издание «Доктора Живаго» на Западе в 1957 году и Нобелевская премия по литературе, присужденная Борису Пастернаку на следующий год, стали причиной одной из вели-

---

[26] Оригинал, полученный Д'Анджело, хранится в библиотеке фонда Фельтринелли (La Biblioteca della Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, Milan).

[27] Д'Анджело. Дело Пастернака, 13.

чайших культурных бурь времен холодной войны. Благодаря тому что интерес к роману не ослабевает – этому способствовал и вышедший в 1965 году фильм «Доктор Живаго», поставленный Дэвидом Лином, – роман остается важной вехой в истории литературы. Однако немногие знают обстоятельства его рождения и о том, как литературное произведение стало причиной настоящей войны двух систем, двух противоборствующих идеологий.

В Советском Союзе «Доктор Живаго» был запрещен; Кремль пытался при помощи Итальянской коммунистической партии запретить первое издание романа в переводе. Чиновники в Москве и руководство Итальянской компартии угрожали и Пастернаку, и его миланскому издателю, Джанджакомо Фельтринелли. Писатель и издатель никогда не встречались, однако они противостояли давлению и создали один из величайших примеров сотрудничества в истории книгоиздания. Их тайная переписка, которую переправляли в Советский Союз и Италию доверенные курьеры, сама по себе служит манифестом художнической свободы.

В результате крайней враждебности, проявленной в Советском Союзе к «Доктору Живаго», роман, который в ином случае приобрел бы небольшую элитную читательскую аудиторию, стал международным бестселлером. Еще больше возросли продажи «Доктора Живаго» после того, как Шведская академия в 1958 году удостоила Пастернака Нобелевской премии по литературе. До того Пастернака выдвигали

на премию несколько раз за его стихи, но после выхода в свет «Доктора Живаго» у Нобелевского комитета как будто не осталось выбора. Кремль отнесся к премии как к антисоветской провокации и организовал безжалостную международную кампанию, в которой писателя чернили, называя предателем. Пастернака довели почти до самоубийства. Масштаб злобной травли пожилого писателя поражал людей во всем мире, в том числе и многих писателей, до тех пор сочувственно относившихся к Советскому Союзу. На защиту Пастернака встали такие несхожие фигуры, как Эрнест Хемингуэй и премьер-министр Индии Джавахарлал Неру.

Пастернак жил в обществе, в котором романы, стихи и пьесы считались важнейшими видами коммуникации и развлечения. Тематика, эстетика и взгляды авторов и героев становились предметами ожесточенных дискуссий, проигравшие в которых иногда расплачивались своей жизнью. После 1917 года *почти 1500 писателей в Советском Союзе были казнены или умерли в лагерях*[28], куда попали по самым разным сфабрикованным делам. Писателей либо торжественно просили создать нового «советского человека», либо изолировали, а в отдельных случаях подавляли; литература служила либо революции, либо врагам государства.

Члены советского руководства охотно писали о революционном искусстве; произносили многочасовые речи о цели прозы и поэзии и вызывали писателей в Кремль, чтобы

---

[28] Shentalinsky, The KGB's Literary Archive, 6.

поучать их, напоминая об их обязанностях. Вожди прекрасно понимали, какой силой обладает слово. Так, Ленина подтолкнул к революционной деятельности роман Чернышевского «Что делать?» *«Искусство принадлежит народу*[29], – говорил Ленин. – Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе?»

Когда в начале 1930-х годов к власти пришел Сталин, он немедленно взял литературную жизнь под строгий контроль. Литература больше не была союзницей партии; она стала ее служанкой. Художественное многообразие предшествующего десятилетия увяло. Сталин, в юности сам баловавшийся стихами, жадно и помногу читал, иногда проглатывая по нескольку сотен страниц за день. Он подчеркивал красным абзацы, которые ему не нравились. Он прикидывал, где можно поставить ту или иную пьесу. Однажды он позвонил Пастернаку по телефону, чтобы спросить у него, настоящий ли поэт Осип Мандельштам. На самом деле разговор шел о судьбе Мандельштама. Сталин решал, каким писателям присудить главную литературную премию, естественно назван-

---

[29] В. И. Ленин, в беседе с Кларой Цеткин. Цит. по: Garrard and Garrard, Inside the Soviet Writers' Union, 27.

ную Сталинской.

Советские читатели тосковали по настоящей литературе, но насладиться чем-то хорошим удавалось редко. Полки ломились под тяжестью сухой, шаблонной халтуры, написанной по заказу. Исайя Берлин находил такие произведения *«безнадежно второсортными»*[30]. К тем писателям, которые сохраняли индивидуальность, – в числе немногих к Пастернаку и Анне Ахматовой – относились едва ли не льстиво. На публичных чтениях их стихов собирались концертные залы, а их произведения, даже запрещенные, находили путь к читателям. *В лагере Обозерка*[31] на берегах Белого моря заключенные развлекались тем, что сравнивали, кто из них помнит наизусть больше стихов Пастернака. Русский эмигрантский критик Виктор Франк, объясняя притягательность Пастернака, писал, что в его стихах *«небо было глубже*[32], звезды светили ярче, дожди громче, а солнце ярче… Никакой другой поэт в русской литературе – а может быть, и во всем мире – не способен так наделить тем же волшебством обычные предметы нашей повседневной жизни, как он. Для его проницательного глаза нет ни слишком мелкого, ни слишком незначительного, у него взгляд ребенка, взгляд первого человека на новой планете: лужи, подоконники, подзеркаль-

---

[30] Caute, Politics and the Novel During the Cold War, 150.

[31] Gladkov, Meetings with Pasternak, 172.

[32] Victor Frank, «The Meddlesome Poet: Boris Pasternak's Rise to Greatness» // The Dublin Review (весна 1958), 52.

ники, фартуки, двери железнодорожных вагонов, волоски, торчащие на мокром пальто, – все эти мелочи повседневной жизни превращены у него в вечную радость».

Отношения поэта с коммунистической партией, ее вождями и литературными кругами Советского Союза были крайне двойственными. До начала Большого террора конца 1930-х годов Пастернак в стихах хвалил Ленина и Сталина; одно время его даже привлекали вероломство и властолюбие Сталина. Но по мере того, как страна все больше погружалась в кровавый кошмар, он все больше разочаровывался в Советском государстве. Пастернак выжил в годы террора, хотя многие его собратья сгинули бесследно. Чем можно объяснить такое везение? Террор выхватывал жертв наугад – скашивая верных и оставляя в живых кого-то из подозрительных. Пастернака охраняла удача, его международный статус и, возможно самое главное, заинтересованное наблюдение Сталина за уникальным и иногда эксцентрическим талантом поэта.

Пастернак как будто не собирался бросать вызов властям, но жил в намеренной изоляции творчества и загородной жизни. К «Доктору Живаго» он приступил в 1945 году; для завершения романа понадобилось десять лет. Творчество перемежалось периодами болезни; кроме того, иногда приходилось откладывать роман и зарабатывать на жизнь переводами. Иногда и сам Пастернак изумлялся, перечитывая то, что вышло из-под его пера.

Фактически «Доктор Живаго» стал первым романом Пастернака; когда работа была кончена, ему исполнилось уже 65 лет. В первом своем крупном прозаическом произведении Пастернак во многом отразил свой жизненный опыт и свои взгляды. «Доктор Живаго» не был полемическим произведением, не содержал нападок на Советский Союз и не превозносил другой социальный строй. Его сила в духе индивидуализма, в стремлении Пастернака найти нечто общее с землей, поиски правды жизни, поиски любви. Подобно Достоевскому, он хотел свести счеты с прошлым и отразить сложный период в истории России посредством *«верности поэтической правде»*[33].

По мере развития сюжета Пастернак понял, что «Доктор Живаго» служит упреком всей недолгой истории Советского государства. Сюжет, герои, сама атмосфера романа становились воплощением чего-то чуждого советской литературе. На страницах «Живаго» выражалось презрение к *«мертвящей и безжалостной»*[34] идеологии, которая так вдохновляла многих современников Пастернака. «Доктор Живаго» стал его завещанием, прощальным приветом погубленному ушедшему веку и чувствам, которые он лелеял. Он был одержим мыслью издать роман – в отличие от многих его современников, которые тайно писали «в стол».

---

[33] Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. Цит. по: Wachtel, An Obsession with History, 13.

[34] Доктор Живаго, ч. 13, гл. 13.

«Доктор Живаго» вышел подряд на итальянском, французском, немецком и английском, а затем и на других языках – но только не на русском.

В сентябре 1958 года на Всемирной выставке в Брюсселе красивые синие книжки «Доктора Живаго» на русском языке бесплатно раздавали советским гостям ватиканского павильона. Немедленно поползли слухи о происхождении этого таинственного издания; в ноябре 1958 года впервые упомянули о том, что роман тайно издан ЦРУ. Однако ЦРУ открыто не признавало своей роли в публикации романа.

До наших дней дошли несколько апокрифических рассказов о том, как ЦРУ раздобыло оригинальную рукопись «Доктора Живаго» и почему ЦРУ так не терпелось издать роман по-русски. *Говорили, что британская разведка*[35] вынудила сесть на Мальте самолет, на котором летел из Москвы Фельтринелли. Затем агенты извлекли из чемодана Фельтринелли рукопись и тайно пересняли страницы. Такого не было. *Некоторые друзья Пастернака во Франции*[36] ошибочно полагали, что выход «Доктора Живаго» на языке оригинала был необходим для выдвижения автора на Нобелевскую премию; *время от времени эта версия всплывает на поверх-*

---

[35] Письмо Феликса Морроу Карлу Р. Профферу 20 октября 1980 // University of Michigan Special Collections Library: Box 7 of the Ardis Collection Records, Folder heading Ardis Author/Name Files – Morrow, Felix.

[36] Boris Pasternak, Lettres a mes amies franchises (1956–1960), 41.

ность[37]. Однако Нобелевская премия не являлась целью разведслужбы. Кроме того, согласно данным о распространении книги, рассекреченным ЦРУ, в Стокгольм ни одного экземпляра не посылали. В задачу разведслужбы входила передача «Доктора Живаго» в Советский Союз, чтобы книгу прочли как можно больше советских граждан.

Некоторые утверждали, что *издание осуществили русские эмигранты*[38] в Европе, а участие ЦРУ было незначительным – оно всего лишь финансировало эмигрантские организации. На самом деле ЦРУ принимало большое участие в издании книги. Операцию по печати и распространению «Доктора Живаго» проводил отдел Советской России и курировал лично директор ЦРУ Аллен Даллес. Кампанию санкционировал Оперативный координационный комитет (ОКК), который отчитывался перед Советом национальной безопасности в Белом доме. Именно ЦРУ в 1958 году стояло за выходом в свет в Нидерландах издания в переплете. Карманное же издание в обложке было напечатано в штаб-квартире

---

[37] Представители нидерландской разведки считали, что ЦРУ предприняло издание книги, имея в виду Нобелевскую премию. С. С. ван ден Хёвел, интервью Петре Куве 22 февраля 1999. См. также: Chris Vos, De Geheime Dienst: verhalen over de BVD. Недавно эту версию повторил Иван Толстой в своей книге «Отмытый роман Пастернака, «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ». Эпизод на Мальте – см. также: «A Footnote to the Zhivago Affair, or Ann Arbor's Strange Connections with Russian Literature» // Carl R. Proffer, The Widows of Russia.

[38] Стэнфордский ученый Лазарь Флейшман приводит этот довод в своем труде «Встреча русской эмиграции с «Доктором Живаго»: Борис Пастернак и «холодная война».

управления в Вашингтоне в 1959 году.

Орудие в идеологических схватках между Востоком и Западом – и это тоже часть необычайной жизни «Доктора Живаго».

Глава 1. «Со всей России сорвало крышу»

Пули чиркали[39] по фасаду дома Пастернаков на Волхонке, залетали в окна, застревали в гипсовых потолках. Орудийный огонь, начавшийся с нескольких отдельных перестрелок, перешел в ожесточенные уличные бои в соседних кварталах; семья вынуждена была прятаться в дальних комнатах просторной квартиры на втором этаже. Однако и там оказалось небезопасно: стену пробило осколком снаряда. Немногочисленные москвичи, отважившиеся выйти на улицу, перебегали по Волхонке, пригнувшись, от одного укрытия к другому. Одного из соседей Пастернаков застрелили, когда он перебегал улицу перед их окнами.

25 октября 1917 года большевики в результате в основном бескровного переворота захватили власть в Петрограде, столице России. До Первой мировой войны город назывался Санкт-Петербургом, но на волне антигерманских настроений его решено было переименовать. Другие крупные города сдались не так легко; войска, верные вождю революции Ленину, свергли Временное правительство, находившееся у власти с марта. В Москве, торговом центре и второй столице страны, бои шли более недели; Пастернаки очути-

---

[39] Alexander Pasternak, *A Vanished Present,* 204.

лись в гуще схватки. Дом, в котором жила семья, стоял на вершине холма. Из девяти окон, выходивших на улицу, открывался панорамный вид на Москву-реку и монументальный золотой купол храма Христа Спасителя. Совсем рядом, в нескольких сотнях метров, находился Кремль. Пастернак, снимавший комнату на Арбате, в день, когда начались бои, зашел навестить родителей и выбраться уже не смог. Позже им с родителями и младшим, 24-летним, братом Александром пришлось спуститься к соседям на первый этаж. Телефон не работал, света не было, воду давали изредка и почти без напора – она текла из крана тонкой струйкой. Две сестры Бориса, Жозефина и Лидия, очутились в таких же ужасных условиях в стоящем неподалеку доме их кузины. Они вышли на прогулку в один не по сезону теплый вечер, как вдруг на улицах появились броневики, и улицы быстро опустели. Сестры едва успели добежать до дома двоюродной сестры. Они увидели, как прохожего, шедшего по противоположной стороне улицы, убило случайной пулей. Несколько дней постоянный треск пулеметов и взрывы снарядов перемежались *«криками стрижей и ласточек»*[40]. А потом, так же стремительно, как все началось, *«воздух очистился*[41], и наступило зловещее молчание». Москва сдалась Советам.

Революционные волнения начались в Петрограде в феврале 1917 года, когда к женщинам, протестующим против

---

[40] Там же, 205.

[41] Там же, 206.

нехватки хлеба, примкнули десятки тысяч бастующих рабочих, а усталость от войны вылилась в стихийные демонстрации против обессиленной монархии. Два миллиона человек погибли на фронтах Первой мировой войны, на Восточном фронте, и еще полтора миллиона умерли от болезней и военных действий. Экономика обширной, отсталой Российской империи рушилась. Когда войска, верные царю, открыли огонь по толпе, убив несколько сотен человек, в столице вспыхнуло восстание. 3 марта Николай II, преданный армией, отрекся от престола, и окончилось трехсотлетнее царствование династии Романовых.

Пастернак, который во время Февральской революции находился на Урале, на химическом заводе, поспешил вернуться в Москву. Часть пути он проделал *в кибитке*[42], санях с крытым верхом. От холода он зарывался в сено и кутался в овчинный тулуп. Пастернак, его братья и сестры радовались падению монархии, приветствовали новое Временное правительство и, превыше всего, перспективу конституционного строя. Подданные становились гражданами, и они получали удовольствие от этого превращения. *«Подумайте… когда море крови и грязи начинает выделять свет»*[43], – говорил Пастернак одному другу. Его сестра Жозефина писала, что

---

[42] *Пастернак. Б.* Люди и положения. См.: *Пастернак Б.* ПСС Т. 3, 328.

[43] Barnes, Boris Pasternak. T. 1, 224; *Локс К.* «Повесть об одном десятилетии 1907–1917. См.: *Пастернак Б.* ПСС. Т. 11, 56.

Бориса *«захватила» и «отравила»*[44] харизма Александра Керенского, крупной политической фигуры, и его воздействие на толпы, собиравшиеся той весной у Большого театра. Временное правительство отменило цензуру и объявило свободу собраний.

Позже Пастернак отразит в романе то чувство эйфории. Героя «Доктора Живаго» тоже захватывали речи – блестяще живые, почти колдовские. *«Вчера я ночной митинг наблюдал*[45]. Поразительное зрелище… Сдвинулась Русь-матушка, не стоится ей на месте, ходит не находится, говорит не наговорится. И не то чтоб говорили одни только люди. Сошлись и собеседуют звезды и деревья, философствуют ночные цветы и митингуют каменные здания. Что-то евангельское, не правда ли? Как во времена апостолов. Помните, у Павла? «Говорите языками и пророчествуйте. Молитесь о даре истолкования».

Живаго казалось, что «со всей России сорвало крышу». Политическое брожение, однако, ослабило Временное правительство, которое оказалось не способно учредить свои приказы. Губительнее всего оказалось решение, вызвавшее широкую ненависть, продолжать участие в мировой войне. Большевики, получившие народную поддержку благодаря обещанию «хлеба, мира и земли» и ведомые предвидением Ленина, что власть можно взять, в октябре начали восстание

---

[44] Josephine Pasternak, Tightrope Walking, 82.

[45] Доктор Живаго, ч. 5, гл. 8.

и вторую революцию. *«Какая великолепная хирургия*[46]! – писал Пастернак в «Докторе Живаго». – Взять и разом артистически вырезать старые вонючие язвы!»

Большевики, в своей конституции, обещали Утопию – *«отмену эксплуатации человека человеком*[47], полную отмену разделения общества на классы, безжалостное подавление эксплуататоров, установление социалистической власти общества и победу социализма во всех странах».

Юрий Живаго быстро разочаровывается потрясениями нового строя: *«Но, во-первых, идеи общего совершенствования*[48] так, как они стали пониматься с октября, меня не воспламеняют. Во-вторых, это всё еще далеко от существования, а за одни еще толки об этом заплачено такими морями крови, что, пожалуй, цель не оправдывает средства. В-третьих, и это главное, когда я слышу о переделке жизни, я теряю власть над собой и впадаю в отчаяние».

Слово «переделка» было то же самое, какое употребил Сталин, когда провозглашал тост за писателей – инженеров человеческих душ. Живаго говорит своему собеседнику, командиру партизанского отряда: *«Я допускаю, что вы светочи*[49] и освободители России, что без вас она пропала бы, погрязши в нищете и невежестве, и тем не менее мне не до вас

---

[46] Там же, ч. 6, гл. 8.

[47] Smith, The Russian Revolution, 40.

[48] Доктор Живаго, ч. 11, гл. 5.

[49] Там же.

и наплевать на вас, я не люблю вас и ну вас всех к чорту».

Это суждения гораздо более старшего Пастернака, который писал через тридцать с лишним лет после революции; он оглядывался назад с горечью и презрением. В то же время, когда Пастернаку было двадцать семь лет, он был влюблен, писал стихи и был захвачен «величием момента».

Пастернаки были известной семьей в кругах московской художественной интеллигенции прозападного толка. Они выступали в поддержку реформы самодержавия. Отец Бориса, Леонид Осипович, был известным художником-импрессионистом, профессором Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Он родился в еврейской семье; его отец содержал гостиницу в Одессе, многонациональном и живом городе в «черте оседлости», где вынужденно проживали многие российские евреи. В Одессе была богатая культурная жизнь; Пушкин, побывавший в Одессе в первой четверти XIX века, писал: «Там все Европой дышит, веет». Сначала Леонид переехал в Москву в 1881 году, чтобы изучать медицину в Московском университете. Осенью 1882 года, не вынеся работы с трупами, он бросил медицину и поступил в Мюнхенскую академию художеств. Дочь Лидия называла его *«человеком мечтательным, мягким*[50]… неторопливым и нерешительным во всем, кроме работы».

Отслужив обязательную военную службу, Леонид в 1888 году вернулся в Москву. Его картину «Письмо из дому» при-

---

[50] Mark, The Family Pasternak, 110.

обрел Павел Третьяков, коллекционер. Его внимание означало, что художник попал в число привилегированных. Кроме того, Леонид стал книжным иллюстратором; в 1892 году он принял участие в издании «Войны и мира» Льва Толстого. На следующий год Л. О. Пастернак и Толстой познакомились и подружились. За годы знакомства Пастернак не раз рисовал знаменитого писателя, в том числе сделал посмертный рисунок на станции Астапово в 1910 году. Л. О. Пастернак вместе с сыном Борисом ночным поездом поехали отдать последнюю дань уважения Толстому; Борис вспоминал, что великий старец показался ему крошечным и иссохшим, больше не глыбой, а *«одним из тех, кого он описал*[51] и дюжинами разбросал» на страницах своих произведений.

Помимо Толстого, в московской квартире Пастернаков бывали многие деятели культуры, в том числе композиторы Сергей Рахманинов и Александр Скрябин; многих из них Леонид Осипович рисовал. Дети считали приезды знаменитостей привычной картиной домашней жизни. «С самых ранних дней *я наблюдал искусство и великих людей*[52] и привык относиться к великим и исключительным как к чему-то естественному, как к норме жизни», – писал Пастернак, вспоминая светил, которые посещали гостиную его родителей и студию отца.

---

[51] Boris Pasternak, I Remember, 67.

[52] Barnes, Boris Pasternak. Т. 1, 20; Письмо Пастернака к М. А. Фроман, 17 июня 1927 // *Пастернак Б.* ПСС. Т. 8, 42.

Детство Пастернака было наполнено и музыкой. Его мать, в девичестве Розалия Кауфман, была необычайно одаренным ребенком, которая, впервые подойдя к фортепиано в пятилетнем возрасте, великолепно воспроизвела пьесы, которые играл ее кузен, просто наблюдая за ним. Роза, как ее называли, была дочерью богатого одесского монополиста по продаже сельтерской воды. Первый сольный концерт она дала в восемь лет, в одиннадцать получала восторженные отклики в местной прессе, а через два года объездила с гастролями юг России. Она выступала в Санкт-Петербурге, училась в Вене и была принята преподавателем музыки в Одесскую консерваторию еще до того, как ей исполнилось двадцать. *«Мама была музыка*[53]*,* – писала ее дочь Лидия. – Возможно, были более искусные виртуозы, более блестящие исполнители, но никто не проникал глубже в суть, не умел подхватить неосязаемое, не поддающееся анализу, что заставляет разрыдаться при первом аккорде, при каждом порыве чистой радости и экстаза». Сделать карьеру пианистки Розе помешали тревожность, больное сердце и брак. С Леонидом Пастернаком она познакомилась в 1886 году в Одессе; они поженились в Москве, в феврале 1889 года. На следующий год родился Борис. Его брат Александр родился в 1893 году, Жозефина в 1900-м, а Лидия – в 1902 году.

В двенадцать лет Борис представлял себя в будущем пиа-

---

[53] Mark, The Family Pasternak, 111.

нистом и композитором. *«Жажда импровизации*[54] и композиции зажглась во мне и переросла в страсть». Он отказался от мысли стать композитором, узнав, что его игре не хватает блеска и природного чутья, свойственного некоторым выдающимся исполнителям, которых он боготворил, например Скрябину. Пастернак не мог вынести возможности того, что он не станет великим. В детстве он привык к тому, что он – лучший и первый; он не сомневался в своих способностях, как духовных, так и физических. Как-то летом, в деревне, увидев, как крестьянские девочки ездят на неоседланных лошадях, Борис убедил себя в том, что тоже может ездить верхом без седла. Ему не терпелось проверить себя. Когда он наконец убедил девочку дать ему прокатиться на ее лошади, двенадцатилетнего мальчика сбросила испуганная кобыла; он упал в реку и сломал правую ногу. Впоследствии правая нога у него стала немного короче левой. Из-за хромоты, которую он почти всю жизнь скрывал, его не призвали на военную службу во время Первой мировой войны. По словам брата, *его природные таланты*[55] «подтвердили в нем сильную веру в собственные силы, в свои способности и в свою судьбу». Второе место он отвергал в припадке обиды и забывал. *«Я презирал все нетворческое*[56], любую нудную, тяжелую работу, самоуверенно полагая, что в таких делах мо-

---

[54] Boris Pasternak, I Remember, 38.

[55] Barnes, Boris Pasternak. T. 1, 82; Alexander Pasternak, Vanished Present, 135.

[56] Boris Pasternak, I Remember, 40.

гу судить, – писал Пастернак много лет спустя. – В реальной жизни, думал я, все должно быть чудом, все должно быть предопределено свыше, ничто не должно быть создано или запланировано нарочно, ничто не должно делаться по чьему-то капризу». Забросив фортепиано, он обратился к поэзии.

Учась в Московском университете, где он занимался правом, а затем философией, и окончив курс с отличием, Пастернак посещал салон молодых писателей, музыкантов и поэтов – *«пьяное сообщество»*[57], где пили чай с ромом и совершались художественные эксперименты и открытия. Москва была полна частично совпадающими и враждующими салонами, образовавшимися вокруг противоборствующих философских и художественных течений, и Пастернак был их пылким, хотя и не слишком известным участником. *«Они не подозревали*[58], что перед ними большой поэт, и пока относились к нему как к любопытному курьезу, не придавая ему серьезного значения», – вспоминал его друг Константин Локс. Цветаева, слушавшая, как Пастернак читал свои стихи, писала, что он *«говорил… глухо*[59] и почти все стихи забывал. Отчужденностью на эстраде явно напоминал Блока. Было впечатление мучительной сосредоточенности, хотелось –

---

[57] *Пастернак Б.* Охранная грамота.

[58] Barnes, Boris Pasternak. T. 1, 94; *Локс К.* Повесть об одном десятилетии 1907–1917. См.: *Пастернак Б.* ПСС. Т. 11, 37.

[59] *Цветаева.* Световой ливень.

как вагон, который не идет – подтолкнуть… «Да ну же…», и, так как ни одного слова так и не дошло (какая-то бормота, точно медведь просыпается), нетерпеливая мысль: «Господи, зачем так мучить себя и других!» Его кузина Ольга Фрейденберг считала, что Пастернак *«не от мира сего»*[60], называла его рассеянным и эгоцентричным: *«Говорил, как обычно, один Боря»*[61], – записала Ольга в своем дневнике после долгой совместной прогулки.

Пастернак склонен был влюбляться без взаимности; такая влюбленность становилась стимулом для стихов, но удручала молодого человека. Еще в Марбурге летом 1912 года он, студент-философ, получил категорический отказ от Иды Высоцкой, дочери богатого московского чаеторговца, которой он признался в любви. *«Постарайтесь жить нормально*[62]*,* – сказала ему Ида. – Ваш образ жизни вводит вас в заблуждение. У всех, кто не обедает и недосыпает, появляется масса диких и невероятных идей». Отказ Иды привел к всплеску поэзии; стихи были написаны в тот день, когда он должен был сдавать эссе по курсу философии. В конечном счете он решил не оставаться в немецком университете и не поступать в докторантуру, *«…как успешна моя по-*

---

[60] Boris Pasternak and Olga Freidenberg, Correspondence, 3.

[61] Там же, 10.

[62] Barnes, Boris Pasternak. Т. 1, 140; Письмо Пастернака А. Стих, 4/17 июля и 29 июня/11 июля 1912, см.: *Пастернак Б.* ПСС. Т. 7, 125.

ездка[63] в Марбург. Но я отказываюсь от всего – искусство, и ничего больше». Пастернак имел привычку беседовать в стихах со своими вымышленными возлюбленными, перемежая признания в любви философскими трактатами. Еще одна женщина, которая отказалась от более близких отношений, нежели дружба, жаловалась, что их «свидания превращались в его монологи». Любовные неудачи оставляли Пастернака эмоционально разбитым, зато предваряли интенсивные периоды творчества.

Его первая отдельная публикация появилась в декабре 1913 года, после особенно плодотворного лета, когда он *«писал стихи не в виде редкого исключения*[64], но часто и помногу, как рисуют или сочиняют музыку». Получившийся сборник, названный «Близнец в тучах», не вызвал ни особого интереса, ни воодушевления; позже Пастернак называл свои юношеские стихи «крайне вычурными». Вторая книга, «Поверх барьеров», вышла в начале 1917 года. Некоторые стихи были вырезаны царской цензурой; книга была полна опечаток и также почти не привлекла к себе внимания критиков. И все же за книгу «Поверх барьеров» Пастернаку впервые заплатили – незабываемый миг для любого писателя. Он получил 150 рублей.

Андрей Синявский назвал первые две книги Пастернака

---

[63] Письмо Пастернака А. Стих 29 июня/11 июля 1912, см.: *Пастернак Б.* ПСС. Т. 7, 122.

[64] Boris Pasternak, I Remember, 76.

«настройкой»[65] и сказал, что они были «частью поисков своего голоса, своего видения жизни, своего места среди разнообразных литературных течений».

Летом 1917 года Пастернак был влюблен в Елену Виноград, молодую вдову, студентку, страстную сторонницу революции. Она водила поэта на демонстрации и политические митинги, радовалась его обществу, но ее не влекло к нему физически. *«Связь оставалась платонической*[66], нефизической и не завершенной эмоционально, что было мучительно для Пастернака», – отмечал один литературовед. Пламя страсти и разочарования на фоне общества, которое коренным образом менялось, вызвало к жизни цикл стихов, который выдвинул Пастернака в первые ряды русской литературы. Сборник назывался «Сестра моя – жизнь» и вышел с подзаголовком «Лето 1917». Сначала по рукам ходили рукописные экземпляры сборника, и он приобрел популярность, «какой не достигал *ни один поэт после Пушкина»*[67].

После Октябрьской революции и последовавшей за ней Гражданской войны, когда почти все книгоиздание прекратилось из-за недостатка бумаги, «Сестра моя – жизнь» вышла лишь в 1922 году. К тому времени Виноград давно уеха-

---

[65] Andrei Sinyavsky, «Boris Pasternak» (1965) – см.: Davie and Livingstone, Pasternak: Modern Judgments, 157.

[66] Christopher Barnes, «Notes on Pasternak» // Fleishman, Boris Pasternak and His Times, 402.

[67] Fleishman, Boris Pasternak: The Poet and His Politics, 109.

ла за границу, а Пастернак наконец обрел любовь с художницей Евгенией Лурье.

Они познакомились на дне рождения, где Евгения, очень красивая в зеленом платье, привлекла к себе внимание нескольких молодых людей. Пастернак читал свои стихи, но молодая женщина слушала рассеянно и не обратила на них особого внимания. «Вы правы, *зачем слушать такую чушь?»*[68] – сказал Пастернак.

Молодые люди начали встречаться; между ними вспыхнула страсть. «Ах, лучше бы я никогда не терял этого чувства. – Борис признавался, как скучает по ней, когда она навещала родителей перед их свадьбой. – *Это все равно что разговаривать с вами*[69], невнятно бормотать, изливаться… Что мне делать, как назвать этот магнетизм и насыщение вашей мелодией».

Они поженились в 1922 году. Чтобы сделать кольца, Пастернак отдал в переплавку свою золотую медаль. Гравировку на кольцах он сделал сам: *«Женя и Боря»*[70].

Их сын Евгений, названный в честь матери, родился в 1923 году. Молодой семье отгородили часть комнаты в бывшей большой квартире Пастернаков – их «уплотнили».

---

[68] «О, как она была смела» // *Пастернак Е.* Понятое и обретенное, статьи и воспоминания, 517.

[69] Barnes, Boris Pasternak. T. 1, 299; Письмо Пастернака Евгении Лурье 22 декабря 1921 // *Пастернак Б.* ПСС. Т. 7, 376–377.

[70] «О, как она была смела» в: *Пастернак Е.* Понятое и обретенное: Статьи и воспоминания, 520.

«Окруженный шумом со всех сторон[71], могу сосредоточиться лишь временами в результате крайнего сублимированного отчаяния, сродни самозабвению», – жаловался он в Союз писателей. Часто он мог работать только по ночам, когда в доме наступала тишина; он не засыпал благодаря сигаретам и горячему чаю.

Оба – и Борис, и Евгения – были людьми творческими. Их семейная жизнь была отмечена вечным соперничеством, стремлением чего-то достичь в творчестве и неспособностью идти на компромиссы. Кроме того, их браку угрожало то, что Пастернак был *«человеком с неоспоримо большим талантом»*[72], как позже написал их сын.

Отношения Пастернака с женщинами по-прежнему были насыщенными. Он вел бурную переписку с Мариной Цветаевой, что чрезвычайно раздражало его жену. Летом 1930 года внимание Пастернака неожиданно привлекла Зинаида Нейгауз, жена его лучшего друга, пианиста Генриха Нейгауза. Пастернаки и Нейгаузы вместе ездили в отпуск на Украину. *Зинаида родилась в Санкт-Петербурге*[73] в 1897 году, она была дочерью русского заводопромышленника; ее мать была наполовину итальянкой. В пятнадцать лет у нее случил-

---

[71] Yevgeni Pasternak, Boris Pasternak: The Tragic Years, 12.

[72] «О, как она была смела» // *Пастернак Е.* Понятое и обретенное, статьи и воспоминания, 511.

[73] Зинаида Пастернак, Воспоминания // Борис Пастернак, Второе рождение, 237–244.

ся роман с кузеном, человеком за сорок, женатым, с двумя детьми. Некоторые черты их отношений позже отразятся в истории Лары в «Докторе Живаго». В 1917 году Зинаида переехала в Елисаветград, где вскоре вышла замуж за своего учителя музыки Нейгауза.

Еще не зная о чувствах Зинаиды, Пастернак поспешил сказать жене, что влюблен. Затем он признался в своей страсти Генриху. Пастернак и Генрих плакали, но решили, что Зинаида «пока» останется с мужем. В начале следующего года они сошлись, о чем Зинаида написала мужу, который тогда давал концерты в Сибири. Нейгауз в слезах прервал гастрольный тур и вернулся в Москву.

Пастернак, которому свойственно было самолюбование, пытался доказать, что можно сохранить семью, продолжать роман и поддерживать дружбу, оставаясь все это время превыше упреков. *«Я показал себя недостойным*[74] [Генриха], которого я по-прежнему люблю и всегда буду любить, – писал Пастернак родителям. – Я причинил долгое, ужасное и пока неослабеваемое страдание [Евгении] – и все же я чище и невиннее, чем до того, как я вошел в эту жизнь».

Сложные отношения продолжались некоторое время. Затем Евгения с сыном уехали в Германию, оставив Бориса и Зинаиду. В стихах Борис призывал Евгению начать жизнь заново без него:

---

[74] Письмо Пастернака родителям и сестрам, 8 марта 1931 // Boris Pasternak, Family Correspondence, 195.

Не волнуйся, не плачь, не труди[75]
Сил иссякших и сердца не мучай.
Ты жива, ты во мне, ты в груди,
Как опора, как друг и как случай.
Верой в будущее не боюсь
Показаться тебе краснобаем.
Мы не жизнь, не душевный союз, —
Обоюдный обман обрубаем.

Много лет спустя он называл свой первый брак несчастливым и лишенным страсти. Он считал, что *«красота – признак истинных чувств*[76], признак силы и искренности». И считал несправедливым, что его сын несет отпечаток его неудачи в любви в своем «уродливом, веснушчатом лице».

В начале 1932 года Евгения вернулась в Москву, и Борису с Зинаидой негде стало жить: квартиры в столице были на вес золота. Зинаида, *«ощущая мучительную неловкость»*[77], вернулась к Генриху и попросила принять ее назад «как няню для детей» и «помощницу по хозяйству». Пастернак вернулся к Евгении – правда, выдержал всего три дня. *«Я умолял ее понять*[78], что боготворю [Зинаиду], что презренно бо-

[75] См.: Борис Пастернак. Второе рождение.

[76] Письмо Пастернака Жаклин де Пруайяр 20 августа 1959 // Boris Pasternak, Lettres a mes amies frangaises (1956–1960), 194–195.

[77] Зинаида Пастернак. Воспоминания // Борис Пастернак. Второе рождение, 273–274.

[78] Письмо Пастернака Жаклин де Пруайяр 11 февраля 1932 // Boris Pasternak,

роться с этим чувством». При встречах с друзьями он *долго со слезами*[79] *рассказывал* о своих запутанных семейных отношениях.

Фактически бездомный и влюбленный, Пастернак начал отчаиваться. *«Было около полуночи*[80] – и подморозило. Ужасное, растущее убеждение в безнадежности сжималось внутри меня как пружина. Внезапно я увидел несостоятельность всей моей жизни». Он побежал по улицам к квартире Нейгаузов. «Der spat kommende Gast? [Поздний гость?] – лаконично заметил Генрих, открыв дверь, и вскоре ушел. Пройдя в детскую, Пастернак выпил целый пузырек йода. «Что с тобой? Почему так сильно пахнет йодом?» – воскликнула Зинаида. Вызвали врача, жившего в том же доме; Пастернаку дали выпить два литра молока, вызвали рвоту, и жизнь его была спасена. Его уложили в постель; он был еще очень слаб. *«В этом состоянии блаженства*[81] пульс у меня почти пропал, я испытал волну чистой, девственной, совершенно несдерживаемой свободы. Я активно, почти слабо, желал смерти – как можно желать торта. Если бы у меня оказался револьвер, я бы потянулся к нему, как к сладкому».

Генрих, который в то время рад был избавиться от Зинаи-

Family Correspondence, 207.

[79] Gerstein, Moscow Memoirs, 32.

[80] Письмо Пастернака Жозефине Пастернак 11 февраля 1932 // Boris Pasternak, Family Correspondence, 209.

[81] Там же.

ды, спросил: *«Ну что, ты довольна*[82]? Он доказал свою любовь к тебе?»

После женитьбы Зинаида Николаевна стала для Пастернака настоящей хозяйкой дома. С ней у него появилось физическое и эмоциональное пространство для работы, что было невозможным с Евгенией. Евгения *«гораздо умнее*[83] и более зрелая, чем З[инаида], и, наверное, лучше образованна», – писал Пастернак родителям. Евгения «чище и слабее, и больше похожа на ребенка, но вспыльчива, требовательно-упряма и склонна к разглагольствованиям на пустом месте». У Зинаиды же есть «трудолюбивый, крепкий стержень внутри ее сильного (но тихого и безмолвного) темперамента».

По словам Евгения Борисовича Пастернака, его мать *«продолжала любить моего отца*[84] до конца жизни».

Сложные отношения Пастернака с женщинами были далеки от завершения. То же относилось и к его отношениям с судьбой. Возможно, судьба отплатила ему за доверие, так как поэту, как это ни невероятно, удалось выжить в годы Большого террора.

---

[82] Там же.

[83] Письмо Пастернака родителям и сестрам, 24 ноября 1932 // Boris Pasternak, Family Correspondence, 230.

[84] «О, как она была смела» // *Пастернак Е.* Понятое и обретенное. Статьи и воспоминания, 511.

Глава 2. «Пастернак, сам того не понимая, вторгся в личную жизнь Сталина»

За революцией последовала *опустошительная и долгая Гражданская война*[85] между «красными» и «белыми». Тяготы усугубляли необычайно суровые зимы. Еды было мало, и семья Пастернаков регулярно недоедала. Борис менял книги на хлеб или ездил в деревню, где удавалось выменять яблоки, сухари, мед и сало. Они с братом пилили на дрова бревна на чердаке, чтобы топить квартиру на Волхонке. Власти оставили бывшим владельцам всего две комнаты; по ночам братья шли на улицы города и воровали доски из заборов и все, что можно было сжечь. Здоровье почти у всех ухудшилось. В 1920 году Леонид Осипович обратился к властям с просьбой увезти жену в Германию на лечение – у нее случился сердечный приступ. Дочери поехали за границу вместе с родителями, и семья оказалась навсегда разлучена. До начала Второй мировой войны родителям и сестрам Пастернака удалось обосноваться в Англии.

После этого Борис виделся со своими родителями лишь однажды. Он ездил к ним в Берлин, чтобы познакомить со

---

[85] Alexander Pasternak, Vanished Present, 194; Barnes, Boris Pasternak. T. 1, 244, 274, 276.

своей первой женой Евгенией. Молодые супруги провели за границей десять месяцев. Пребывание в Берлине, ставшем столицей русской эмиграции, убедило Пастернака в том, что его художническое будущее – на родине, а не среди ностальгии и мелких ссор, которыми было отмечено общество изгнанников. *«В Берлине Пастернак тревожен*[86], – писал Виктор Шкловский, также впоследствии вернувшийся в Москву. – …Мне кажется, что он чувствует среди нас отсутствие тяги. Мы беженцы, – нет, не беженцы, а выбеженцы, а сейчас сидельцы… Никуда не едет русский Берлин. У него нет судьбы».

Пастернак был глубоко предан Москве и России. *«Среди московских улиц*[87], переулков и дворов он чувствовал себя как рыба в воде; здесь он был в своей стихии, и язык его был чисто московский… Вспоминаю, как его разговорная речь потрясла меня и как она была органично связана со всей его московской манерой», – писал Чуковский.

Берлин говорил[88], что у Пастернака «страстное, почти навязчивое желание считаться русским писателем, укорененным в русской почве», и что это было «особенно очевидно в его негативном отношении к своему еврейскому происхождению… Он хотел, чтобы евреи ассимилировались, растворились как народ». В «Докторе Живаго» такую точку зре-

---

[86] *Шкловский.* Zoo, или Письма не о любви.

[87] Boris Pasternak and Olga Freidenberg, Correspondence, xviii.

[88] Berlin, Personal Impressions, 222.

ния озвучивает Миша Гордон, призывая евреев: *«Опомнитесь*[89]. Довольно. Больше не надо. Не называйтесь как раньше. Не сбивайтесь в кучу, разойдитесь. Будьте со всеми. Вы первые и лучшие христиане мира». В детстве няня водила Пастернака в православные московские храмы; он запомнил запах ладана, иконостасы с византийскими ликами. Правда, его сестры вспоминали, что православие не интересовало его до 1936 года, а Исайя Берлин не заметил проявления такого интереса и в 1945 году. Он пришел к выводу, что тяга Пастернака к христианству – *«поздняя вставка»*[90]. Уже в пожилом возрасте Пастернак стал приверженцем собственной версии христианства; православие повлияло на его веру, но воцерковленным он не был. «Я родился евреем, – говорил он позже в одном интервью. – *Мои родители занимались музыкой, живописью*[91] и почти не уделяли внимания религиозной практике. Из-за того что я испытывал насущную потребность в общении с Создателем, я обратился к православию. Но, как я ни старался, я не мог постичь его до конца. Постигаю до сих пор».

К началу 1921 года белые были разбиты, и в разоренной стране постепенно начала возрождаться литературная

---

[89] Доктор Живаго, ч. 4, гл. 12.

[90] Isaiah Berlin, letter to Edmund Wilson, 23 декабря 1958 // Berlin, Enlightening: Letters 1946–1960, 668.

[91] Jhan Robbins, «Boris Pasternak's Last Message to the World», This Week, 7 августа 1960.

жизнь. Первый тираж «Сестры моей – жизни», сборника, вышедшего в Москве и Берлине, достиг почти тысячи экземпляров. Книга вышла в довольно бедной суперобложке цвета хаки – *«последняя ставка на жизнь какого-нибудь подыхающего издательства»*[92]. «Сестра моя – жизнь» вызвала восторженные, пылкие отзывы. Критики писали о рождении гиганта.

«Стихи Пастернака почитать[93] – горло прочистить, дыханье укрепить, обновить легкие: такие стихи должны быть целебны от туберкулеза. У нас сейчас нет более здоровой поэзии. Это – кумыс после американского молока», – писал поэт Осип Мандельштам. *«Я попала под нее, как под ливень*[94]*,* – писала о «Сестре моей – жизни» Цветаева в 1922 году. – Пастернак – это сплошное настежь: глаза, ноздри, уши, губы, руки». Сборник как будто почти не касался событий недавней революции, кроме того что Цветаева назвала «тишайшими умыслами». Единственный раз слово «революция» применено в описании стога сена. В стихотворении «Про эти стихи» в начале сборника Пастернак кажется немного вычурным по отношению ко времени:

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку кликну детворе:

---

[92] *Цветаева.* Световой ливень.

[93] Osip Mandelstam, Critical Prose and Letters, 168.

[94] *Цветаева.* Световой ливень.

Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?[95]

Марксистский критик Валериан Правдухин презрительно называл Пастернака *«тепличным аристократом*[96] из особняков нашего общества». Голоса критиков постепенно делались громче, но в 1922 году предположения об идеологических недостатках заглушались всеми признанной поэтической гениальностью его строк.

Успех Пастернака был замечен и правящими кругами. В июне 1922 года поэта вызвали в Реввоенсовет на встречу с его председателем Львом Троцким, наркомом по военным и морским делам, ведущим теоретиком нового марксистского государства и самым известным – после Ленина – вождем нового государства. Из всех членов политбюро Троцкий больше других интересовался культурой; он считал, что художники и агитпроп играют важнейшую роль в возвышении рабочего класса с конечной целью созданий того, что он называл «бесклассовой культурой, первой, которая будет поистине универсальной». В 1922 году Троцкий начал знакомиться с известными и новыми писателями. Через год он опубликует книгу «Литература и революция». *«Смешно,*

---

[95] «Сестра моя жизнь»; см.: Lydia Pasternak Slater, «About These Poems» // Boris Pasternak, Poems of Boris Pasternak, 35.

[96] Barnes, Boris Pasternak. T. 1, 286.

нелепо, до последней степени глупо[97] притворяться, будто искусство может пройти мимо потрясений нынешней эпохи, – пишет он в предисловии. – …Если бы природа, любовь, дружба не были связаны с социальным духом эпохи, лирика давно прекратила бы свое существование. Только глубокий перелом истории, то есть классовая перегруппировка общества, встряхивает индивидуальность, устанавливает другой угол лирического подхода к основным темам личной поэзии и тем самым спасает искусство от вечных перепевов».

«В вопросах культуры *Троцкий не был либералом*[98], – писал один из его биографов. – Он считал, что те, кто бросал вызов советскому порядку, пусть даже только в романах или картинах, не заслуживают снисходительности со стороны власти. Но он стремился гибко управлять в пределах жесткого каркаса. Он хотел завоевать сочувствие тех интеллектуалов, которые не были врагами партии и еще могли стать ее друзьями».

Троцкий хотел выяснить, хочет ли Пастернак подчинить свой лирический талант и свою индивидуальность великому делу революции. *Пастернак приходил в себя*[99] после бурной вечеринки, когда ему позвонили по телефону. Они с Евге-

---

[97] *Троцкий.* Литература и революция.

[98] Service, Trotsky, 315.

[99] Подробнее о встрече см.: *Вильмонт.* О Борисе Пастернаке, воспоминания и мысли, 93–95; см. также письмо Пастернака Брюсову 15 августа 1922 г. // *Пастернак Б.* ПСС. Т. 7, 398.

нией уезжали в Германию, где он собирался познакомить ее со своими родителями; на прощальной вечеринке в квартире на Волхонке было много спиртного. На следующий день в полдень Пастернак еще спал, когда зазвонил телефон. Его вызвали в Реввоенсовет для встречи с Троцким, и он должен был прибыть туда через час. Пастернак наскоро побрился, умылся и прополоскал рот холодным кофе, а затем надел накрахмаленную белую рубашку и свежевыглаженную синюю куртку. За ним заехал вестовой на мотоцикле с коляской.

Пастернак и Троцкий официально поздоровались, называя друг друга по имени-отчеству. Пастернак извинился: «Я пришел после прощального вечера, где немного перебрал».

«Вы правы, – ответил Троцкий, – вид у вас потрепанный».

Они беседовали более получаса, и Троцкий спросил Пастернака, почему тот «воздерживается» реагировать на злободневные темы. Пастернак ответил, что его «ответы и объяснения восходят к защите истинного индивидуализма, как новой социальной ячейке в новом социальном организме». Пастернак вспоминал, что Троцкий «восхитил и захватил» его; правда, позже он признавался другу, что завладел разговором, не дав Троцкому до конца высказать свое мнение. В самом деле, их беседа оставила Троцкого в некотором ошеломлении.

«Вчера я начал продираться сквозь густые заросли вашей книги, – сказал Троцкий, имея в виду «Сестру мою – жизнь». – Что вы хотели ею сказать?»

«Об этом нужно спрашивать читателя, – ответил Пастернак. – Решайте сами».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.